

Иванов И.И. К изучению мировоззрения К. В. Иванова / И. И. Иванов // Вопросы метода, жанра и стиля в чувашской литературе / Науч.-исслед. ин-т яз., Лит., истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР. – Чебоксары, 1981. – С. 74-95.

К ИЗУЧЕНИЮ МИРОВОЗЗРЕНИЯ К. В. ИВАНОВА

И. И. ИВАНОВ

Мировоззрение, как способ отражения, понимания и истолкования действительности, имеет важное значение не только в социологии и политике, но и в художественном творчестве. Без мировоззрения нет и творчества, утверждают многие современные ученые, в том числе и теоретики и историки литературы. Эта мысль варьируется в ряде трудов с разной степенью углубленности в предмет исследования.

Указывая на разные уровни отражения человеческим сознанием окружающего мира, выделяют три последовательных стадии познания: мирозерцание, миропонимание и мировоззрение. Считая последнее высшей, философской формой познания, в самом мировоззрении также видят его типологические черты как относительно конкретно-исторического времени, так и в отношении классов, социальных групп, этнических обществ. Помимо них, различают и индивидуальное, неповторимое мировоззрение отдельной личности. Тем больший интерес представляет изучение мировоззрения выдающейся личности, ярко художественного таланта, оставившего незабываемый след в истории и культуре того или иного народа.

Тут возникают определенные сложности, связанные со своеобразием художественного творчества, где действуют не только разум, сознание, но и чувства, даже интуиция. И ценность художественного творчества тем больше, чем сильнее выражено в нем личностное, неповторимо-индивидуальное начало творца, допустим, поэта или художника. В этом кажущемся парадоксе нет непримиримого противоречия: чем оригинальней художник, тем ярче и сильнее выражаются в нем типологические, характерные и важнейшие черты его времени. Не-

повторимость и самостоятельность его мышления и чувствования как раз и вызывают наибольший интерес исследователя.

Один из исследователей мировоззрения Ф. М. Достоевского, автор книги о нем, Ю. Г. Кудрявцев замечает: «Глубина творчества художника зависит от вида отражения мира. Творчество есть показатель мировоззрения»¹. В качестве различных по глубине уровней художественного постижения жизни он также отмечает три круга: 1) проблематика сего дня, 2) проблематика временного, 3) проблематика вечного.

И, правильно полагая, что в творчестве писателя многое бывает сокрыто из-за незнания его мировоззрения, он рассматривает наследие Достоевского, одного из тех писателей, чье творчество отличается исключительной сложностью и противоречивостью мировоззрения, в свете вышеназванных трех кругов, обозначая их по-другому как событийное, социальное и философское. И только обладающий мировоззрением способен выйти к проблемам третьего круга, заключает он, т. е. создавать произведения вечные и нетленные, несущие в себе важное общечеловеческое содержание, добавим мы от себя.

В этом смысле изучение мировоззрения писателя призвано нам помочь выяснить в его творчестве те непреходящие ценности, которые не только при жизни автора, но и потом будут долго служить людям, будущим поколениям, придавать творчеству писателя характер значительности и актуальности на многие годы вперед. Уяснение этого вопроса поможет нам понять, почему произведения классиков литературы, в частности, таких чувашских поэтов, как К. Иванов, М. Сеспель и др., до сих пор продолжают волновать читателей, вызывают их неослабевающий интерес.

К сожалению, до сих пор, если не считать отдельных статей и брошюр, опубликованных в 30-е гг., к 50-летию К. В. Иванова или сразу после него, мировоззрение его не было объектом надлежащего и подробного рассмотрения. Поэтому, как нам кажется, есть необходимость снова вернуться к данному вопросу и попытаться проанализировать его в свете новых данных литературной

¹ Кудрявцев Ю. Г. Три круга Достоевского. Изд-во Московского гос. университета, 1979, с. 9.

науки и дополнительных сведений о самом поэте — К. В. Иванове.

Нас побуждают к этому и некоторые публикации о К. Иванове, например, И. Сутягина, Г. Хлебникова, Н. Иванова, Ю. Артемьева и др., в которых его творческому методу, тесно связанному с мировоззрением, дается самая различная характеристика и оценка. Если судить по ним, кем только не является и кем только не выступает К. Иванов! Просветителем, романтиком, реалистом возрожденческого типа, просто реалистом, критическим реалистом, поэтом-демократом, революционно настроенным поэтом, долженствующим непременно прийти к марксизму и социалистическому реализму². В Большой советской энциклопедии 1933 г. утверждалось, что «К. В. Иванов... остался поэтом либеральной националистической буржуазии». И в Малой советской энциклопедии тоже дается примерно такая же характеристика общественно-политическим взглядам поэта. Там говорится, что «Иванов — чувашский поэт, основоположник буржуазно-националистической чувашской литературы». Авторы этих статей рассуждали очень просто: раз выходец из имущих слоев, то и поэт соответствующий, т. е. приверженец чуждых нам взглядов.

На основании именно таких оценок творчество поэта, по существу, замалчивалось и не изучалось должным образом вплоть до 1940 г. Лишь после 1940 г., т. е. после первого юбилея К. Иванова, делаются попытки дать более правильную характеристику его творческому наследию.

Уже И. Н. Сутягин в середине 40-х гг. пишет брошюру «К. В. Иванов», где в основном, за некоторыми исключениями, дает более или менее верную оценку общественно-политическим взглядам и художественным принципам чувашского поэта, причисляя его к демократическому, иногда даже революционному лагерю. Конечно, это был шаг вперед, но при всем том работа Сутягина содержала ряд неверных сведений и фактов, страдала и недоказательными аналогиями и параллелями, взятыми, из-за недостаточного знания им чувашской

² Долгов В. А. Константин Иванов сиччен сырнă кёнекесем пирки пёр-икё сáмах.— Журн. «Сунтал», 1940, № 11; Сутягин И. Н. К. В. Иванов. Чебоксары, 1946; БСЭ, 1933, т. 27, с. 340; МСЭ, 1935, т. 4, с. 589; Артемьев Ю. М. Становление социалистического реализма в чувашской литературе. Чебоксары, 1977.

истории и литературы, из опыта других литератур. Он утверждал, что К. Иванов — основоположник чувашского литературного языка, родоначальник чувашской литературы, что он прежде всего лирик, тогда как М. Сироткин пишет, что наиболее полного расцвета поэзия К. Иванова достигла в эпическом жанре³.

К. Иванов в брошюре И. Сулягина выступает и как демократ-просветитель, и как революционный деятель, и писатель-романтик, и трезвый реалист и т. д. Сулягин же сравнивает произведения чувашского поэта с образцами древнееврейской поэзии и находит в них что-то общее или приближает творения К. Иванова к литературе более позднего времени, говоря, что его поэзия национальна по форме, интернациональна по содержанию. Подобные преувеличенные и приблизительные высказывания И. Сулягина до сих пор вызывают определенное недоверие к его суждениям и выводам⁴. Тем не менее критико-биографический очерк его о К. В. Иванове был первым изданием подобного рода и как таковое имело в то время несомненное положительное значение, решительно отделяя чувашского поэта от либеральной и национальной буржуазии, определяя его как поэта-демократа, горячо сочувствовавшего своему народу.

Специально исследованию мировоззрения К. Иванова посвятил свою книгу С. С. Спиридонов. Его работа дает более цельное и полное представление о философских, эстетических взглядах поэта и об их проявлениях в творческой практике писателя. Он пишет, что «...путь Константина Иванова — это путь поэта-демократа, прямо примыкающего к революционно-демократическому лагерю, это пример беззаветного, благородного и честного служения родному народу...»⁵ С этим главным выводом его исследования вполне можно согласиться, он выражает главный итог, основное и определяющее содержание творчества К. Иванова. Вместе с тем нельзя не заметить, что и данная работа содержит некоторые натяжки и произвольные суждения, вытекающие из желания приподнять К. Иванова и модернизировать его в духе позднего времени. Вызывает возражение, в част-

³ Сироткин М. Я. Очерки дореволюционной чувашской литературы. Чебоксары, 1948, с. 187.

⁴ Сулягин И. Н. Указ. соч., с. 8—13.

⁵ Спиридонов С. С. Мировоззрение чувашского поэта-демократа К. В. Иванова. Чебоксары, 1957, с. 60.

ности, утверждение автора, что-де К. Иванов был «...основоположником чувашской литературы и основоположником чувашского демократического искусства и литературы во всех его жанрах»⁶. Настораживают здесь слова «основоположник» и «во всех жанрах». Как известно, Иванов прежде всего был поэтом, а прозаических произведений, за исключением переводов с другого языка, от него почти не осталось. Есть в книге Спиридонова и другие не совсем верные оценки и суждения.

Внимание к творчеству, художественному методу и мировоззрению поэта усиливается в последующие годы ввиду подготовки к 80- и 90-летним юбилеям К. В. Иванова, а также необходимости создания более полной и выверенной истории дореволюционной чувашской литературы. Вновь и вновь поднимается в работах литературоведов республики вопрос о роли и значении творчества классика чувашской литературы, в первую очередь его наиболее талантливого произведения — поэмы «Нарспи». Отдельные исследователи все еще продолжают числить К. Иванова представителем просветительского движения и такого же литературного направления, а «Нарспи» — описанием старинных нравов и обычаев патриархальной чувашской деревни, хотя М. Сироткин ясно и четко высказался по этому поводу: «В основе всех эпических (подчеркнуто мной.— *И. И.*) произведений поэта лежат жизненные явления и типичные социальные конфликты современной ему действительности». Отвечая тем, кто полагал обратное, он писал: «Между тем кое-кто из исследователей творчества К. Иванова еще недавно брал под сомнение эту связь и всерьез пытался доказывать, что в поэме «Нарспи», например, отражена не близкая поэту действительность, а дана картина далекого патриархального прошлого чувашского народа»⁷.

М. Я. Сироткин безусловно прав. Нет никаких оснований изображать К. Иванова каким-то анакоретом-отшельником, уклонившимся от бурных событий своего времени и увлекшимся седой стариной. Вся его поэтическая деятельность и биография доказывают обратное: К. Иванов был активным участником общественно-политического движения своей эпохи, рассматривал и оце-

⁶ Там же, с. 43.

⁷ Иванов К. В. Собрание сочинений. Чебоксары, 1957, с. 26.

нивал события того времени с позиций представителя революционно-демократического лагеря. В силу этого социальный конфликт, лежащий в основе «Нарспи», тесно связан с тогдашним положением чувашского общества, расстановкой в нем различных классовых сил и их непримиримой постоянной борьбой между собой.

Сходной с М. Сироткиным позиции придерживается литературовед Н. Иванов, который считает К. Иванова критическим реалистом в чувашской литературе дооктябрьских лет, выразившим в ней сильный социальный протест против самодержавия, всякого рода угнетения⁸.

Неразрывную связь идейно-эстетической программы К. Иванова с чаяниями и устремлениями лучшей части чувашского народа, с повседневной жизнью и борьбой трудовых масс отмечает И. Зотов. Он пишет: «...К. Иванов смело критикует и потрясает сами основы эксплуататорского общества»⁹.

Несмотря на имеющиеся до сих пор расхождения, все же отчетливо выявилась и берет верх тенденция научно-объективного подхода к оценке произведений и всего творчества К. Иванова, а также их мировоззренческих, философских аспектов. Все приведенные нами суждения говорят о том, что до сих пор вопрос о мировоззрении поэта должным образом не изучен и не выяснен. Более тщательное и внимательное изучение этого вопроса должно прояснить ряд важных моментов творческого наследия К. Иванова и помочь правильной оценке ряда его произведений. Это необходимо сделать и потому, что некоторыми исследователями при изучении творчества того или иного писателя мировоззренческий аспект нередко упускается, иногда просто игнорируется, якобы не имеющий отношения или во всяком случае существенного значения для художественной литературы. Исходя из правильной предпосылки, что мировоззрение не прямо и непосредственно отражается в художественном творчестве, отдельные литературоведы иногда склонны принижать или умалять роль мировоззрения, т. е. философские, политические, нравственно-этические, эстетические взгляды писателя, его общественную и гражданскую позицию, определяющие основ-

⁸ Иванов Н. И. К вопросам о творческом методе в дореволюционной чувашской литературе. Рукопись статьи.

⁹ Зотов И. А. Художественный метод Константина Иванова (На чувашск. яз.). — «Таван Атӑл», 1981, № 5.

ные направления его творческой деятельности, или, что совсем уже неприемлемо, вообще отрицают значение мировоззрения, доходя до утверждения, что можно создавать художественные ценности вопреки какому-либо мировоззрению, обладая отсталым или консервативным мировоззрением, и т. д.

Это утверждение — не только пример того, что в пылу отрицания можно дойти до чего угодно, но и свидетельство нечеткого, путаного представления о взаимоотношениях между философским мировоззрением и художественным творчеством. Нужно сказать со всей определенностью, что именно невнимание к мировоззрению того или иного художника ведет к ошибкам в определении творческого метода и творческого направления, ко всяким сугубо субъективным толкованиям творческого наследия в угоду тем или иным сомнительным и необъективным суждениям. Мировоззренческий подход, философски осмысленный критерий изучения творчества того или иного писателя, дает верный ключ к пониманию его деятельности, художественной практики. Иной критерий может завести не туда, куда следует, ибо мировоззрение как таковое определяет отношение художника к существующей действительности, понимание и оценку ее с точки зрения данной стадии общественного и идейно-духовного развития, в соответствии с достигнутым уровнем научных знаний и конкретной практикой художественных исканий.

Неверные суждения о роли мировоззрения возникают как результат неправильного и неглубокого понимания определенных высказываний классиков марксизма-ленинизма о некоторых писателях прошлого. Ссылаются на высказывания Маркса и Энгельса о немецкой, французской, норвежской и других литературах, на их оценку Бальзака, на статьи Ленина о Толстом и других писателях и т. д. При этом почему-то некоторые исследователи акцентируют внимание лишь на тех моментах, где классики марксизма-ленинизма говорят об экономической отсталости тех или иных стран, в то же время указывая на их большие достижения в художественном развитии. Отсюда, прямолинейно рассуждая, подобные исследователи пытаются вывести заключение о том, что уровень общественного развития, соответственно и мировоззрения в художественном творчестве существенной роли не играет, успех зависит от таланта или гения

художника, которые проявляются чуть ли не случайно.

Марксизм-ленинизм не отрицает некоторой самостоятельности, автономности развития искусства и литературы, возможности отставания их или некоторого опережения ими хода экономического или социального развития, особенно в условиях, когда общественная мысль не находит выхода именно в этих областях знания, а находит свое более сильное выражение в других направлениях, в частности, в литературе и искусстве.

Поэтому неверно исходить из предположения, что передовое мировоззрение мешает художнику или не способствует созданию совершенных произведений. Когда говорят, что Бальзак по своим политическим взглядам был легитимистом, а в творчестве — критиком буржуазного общества, то отсюда вовсе не следует, что, придерживаясь более левых убеждений, писатель не создал бы своих замечательных произведений. Вернее предположить, что более прогрессивное мировоззрение, скажем, знание зародившегося тогда марксизма, помогло бы писателю еще ярче раскрыть язвы капитализма, обрисовать и те общественные силы, которые свергнут буржуазию, например, французский пролетариат, совершивший ряд революций при жизни писателя.

Роль передового мировоззрения наглядно выявляется и при сравнении таких писателей, как, например, Горький и народники. Будучи пролетарским писателем, Горький художественно убедительно нарисовал образы рабочих Власова, Находки в «Матери», Нила в «Мещанах» и др. Народники же, являясь идеологами крестьянства, ограничились изображением его бедности и нищеты, а потом, в ходе своей эволюции, перешли от «хождения в народ» к индивидуальному террору. Поэтому не случайны в поздней народнической литературе мотивы безысходности, упование на сильную личность, в некоторых случаях прославление террориста.

Следовательно, мировоззрение писателя безусловно проявляется в его творчестве, но не всегда полностью, что-то остается вне этого творчества. Поэтому при таком исследовании немалое значение приобретает и выяснение тех моментов, которые не могли выразиться непосредственно в творческой практике.

Итак, по нашему мнению, в план исследования мировоззрения должны войти:

1. Прямые высказывания самого писателя, носящие

мировоззренческий характер (выступления и речи, статьи, декларации и манифесты, дневники, письма и т. д.).

2. Действия и поступки, участие в общественно-политической жизни, принадлежность к той или иной партийной группировке.

3. Художественные произведения как отражение и подтверждение мировоззренческих позиций их автора (эстетические программы и концепции, авторский взгляд, положительный идеал, сочувствие тем или иным героям, проблематика и идейное содержание произведений и т. д.).

4. Неопубликованные произведения: наброски, эскизы, планы, отрывки, цензурные вычеркивания и др., которые позволяют дополнить и уточнить представление о мировоззрении писателя. Сюда же можем отнести круг его чтения, заметки на полях книг, рецензии и отзывы.

5. Характер и сам путь развития творчества писателя, его последовательность или прерывность, а также сложность и противоречивость.

6. Другие материалы и доказательства, проливающие свет на его мировоззрение.

Понятно, что подобный план не исчерпывает всего многообразия мировоззрения, но дает основания для более системного и возможно более полного исследования мировоззренческих взглядов писателя.

Отвечая на первый и второй вопросы вышеприведенного плана, следует заметить, что К. Иванов не остался в стороне от событий первой русской революции 1905—1907 гг., принимал в них непосредственное участие: был в числе бастующих учащихся Симбирской чувашской школы, вывешивал красный флаг, пел революционные песни. В петиции, поданной воспитанниками I класса Симбирской школы ее директору И. Я. Яковлеву и подписанной в числе других К. В. Ивановым (его подпись стоит 10-й), не просто выдвигаются предложения по улучшению преподавания, но и требования политического характера, в частности, выражается решительный протест против национального угнетения и унижения. Настаивая на увольнении преподавателя и заведующего мастерской Д. И. Кочурова, учащиеся указывают на следующие причины своего требования: презрительное отношение этого преподавателя к чуваш-

шам, насмешки, грубость и надменность, «несправедливые оценки поведения и успехов по русскому языку и столярному ремеслу (везде русским предпочтение)»¹⁰. И сам И. Я. Яковлев, объясняя начальству из учебного округа происшедшее, а именно—политическое волнение среди учащихся, пишет, что воспитанники хотели вывесить красный флаг на крыше здания, но когда им воспрепятствовали, то выставили знамя в открытое окно и пели революционные песни¹¹.

В числе друзей К. Иванова были лица, близкие к социал-демократам или ставшие ими, например, Т. С. Семенов-Таэр, Ф. Н. Сергеев, Н. Ф. Беляев и др. По свидетельству Я. Г. Ухсяя, К. Иванов был знаком с брошюрой В. И. Ленина «К деревенской бедноте», намеревался перевести на чувашский язык «Манифест Коммунистической партии»¹². Вопрос в том и состоит, насколько серьезно он их воспринял и понял, не было ли это просто юношеским, потом прошедшим увлечением. Наверняка нет. Против такого предположения говорит ряд фактов его биографии. 1909 г. он проводит на землемерных работах в Сызранском уезде вместе с Н. Ф. Беляевым, бывшим учителем Симбирской школы, изгнанным оттуда за революционную работу среди крестьян¹³. Есть все основания говорить, что Беляев значительно помог ему разобраться в политике и проникнуться ненавистью к царскому режиму. По найденным недавно документам, Симбирский и Уфимский губернаторы не выпускали К. Иванова из поля своего зрения и долго не решали вопрос о назначении его на должность учителя Симбирской школы, куда в конце концов он был принят в 1910 г. под личную ответственность директора школы И. Я. Яковлева¹⁴.

Поведение поэта в период реакции, в годы первой мировой войны показывает, что К. Иванов занимал отрицательную позицию по отношению к царскому правительству, Государственной думе, столыпинским реформам, к начавшейся в 1914 г. империалистической войне. Хотя он прямо и открыто не высказывался против них

¹⁰ *Иванов К. В.* Собрание сочинений. Чебоксары, 1957, с. 336.

¹¹ *Краснов Н. Г.* И. Я. Яковлев. Чебоксары, 1978, с. 151.

¹² Личный архив народного поэта Чувашия Я. Г. Ухсяя.

¹³ *Иванов К. В.* Собрание сочинений, с. 13.

¹⁴ «Одоловая жандармские преграды». — «Советская Чувашия», 20 мая 1980 г.

в печати или где-либо, однако из его произведений, дневниковых и других записей явствует, что он их не принимал.

Есть основания полагать, что К. Иванов занимал антицаристскую позицию. Это видно из его еще юношеского предисловия к собственному переводу «Песни про купца Калашникова...» Об исторически верном мышлении поэта говорит само начало предисловия, где он отмечает некоторое прогрессивное значение царствования Ивана IV Грозного в создании централизованного и многонационального Русского государства и в то же время отмечает, какими жестокими способами это проходило. Особенно подробно он пишет об учрежденной Грозным опричнине, показывая зверства и притеснения, чинимые опричниками. Здесь поэт не говорит ни одного доброго слова об опричнине, которая сыграла определенную полезную роль в уничтожении боярской оппозиции, противившейся централизации власти. Видимо, поэт, говоря о временах всевластных опричников, имел в виду и настоящее, когда царские чиновники вели себя среди чувашей как настоящие опричники. Подразумевать такой подтекст в предисловии вполне правомерно. Поэт предвидит и ждет бури, о ней говорится как в «Предисловии», так и в переводе лермонтовского «Паруса».

Искреннее сочувствие поэта угнетенным трудящимся, в частности, чувашским крестьянам, ясно ощущается в переводах «Дубинушки», некрасовских стихов, в поэме «Нарспи», в «Крестьянской марсельезе», где как рефрен повторяется «Вставай, подымайся, чувашский народ...»

Свободолюбивые, глубоко гуманистические взгляды К. В. Иванова отчетливо выразились в его наиболее крупном произведении — поэме «Нарспи». С волнением и душевным пониманием воспринимались всеми читателями и слушателями гордые строки поэта:

Нет сильнее человека
Во вселенной никого,
Он на сушах и на водах
Стал хозяином всего.

Здесь недостаточно видеть только веяния раннего Возрождения или наступившей впоследствии эпохи просветительства, ибо они обращены к человеку иного

чреватого как социальной, так и национальной революцией времени. Поэтому так злободневно, созвучно со временем, с чувствами обездоленных звучит призыв к уважению достоинства и чести человека, к его свободе и равноправию. Если и можно говорить о каком-то отдалении «Нарспи» от своего времени, о некоей патриархальной стадии жизни чувашского народа, якобы изображенной в поэме, нельзя при этом забывать о том, что читатель воспринимал ее не как описание далекого прошлого, а в контексте своей эпохи, сопоставлял и сравнивал ее со своим временем и положением и несомненно делал соответствующие выводы.

Не могли не импонировать читателю, желающему вырваться из пут угнетения, следующие слова Сетнера:

Есть, что мне всего дороже:
Ты, кого я ждал, любя.
Но и враг есть кровный, ныне
Умыкающий тебя.
Погубить врага я смог бы,—
Есть могучих пара рук...

Женщин и девушек-читательниц увлекал прекрасный образ непокорной Нарспи, смело разрывающей освященные веками домостроевские обычаи, решительно восстающей против порядков купли-продажи в семейных отношениях. Как и в балладе «Две дочери», здесь поэт устами своей героини выступает против мира чистогана, против осквернения святых уз любви и брака меркантильными расчетами, насаждаемыми зарождающимся капитализмом в чувашском крае. Нарспи всей душой восстает против почитания денег как синонима счастья:

Не в богатство благо, благо — в человеке,
В человеке, в нем самом.

Какой сильный протест против существующих порядков заложен в «Нарспи», лучше всего увидеть при сравнении ее с поэмой «Варуҫси». Оба произведения излагают аналогичный сюжет: несчастье насильно выданной замуж за богатого девушки, оба кончаются трагической смертью молодых. Однако «Варуҫси» не выходит за рамки чисто бытовых, местами мелодраматических описаний, а «Нарспи» содержит сильный социальный протест, осознанный героями, знающими, на что идут. Несомненно, при внимательном прочтении «Нарспи»

давала читателю не бесцельные воздыхания, а заряд энергии, звала на борьбу с угнетением и подавлением личности. Поэтому «Вару́сси» скоро забылась, ныне ее знают только специалисты, а «Нарспи» до сих пор будоражит умы и сердца людей, зовет к борьбе за справедливую долю.

Несомненно, К. В. Иванов не мог вложить в «Нарспи» прямой революционный призыв, тогда она просто не была бы напечатана, наверняка и сам поэт, как Таэр, угодил бы за решетку. Но революционные мотивы и настроения, вызванные эпохой 1905—1907 гг., хотя и слегка прикрытые, звучат в поэме довольно сильно и слышимо, как надежда на наступление иных времен, похожих на бурный пятый год. «Нарспи» была опубликована в 1908 г., когда революция пошла на убыль, в крупных промышленных центрах России была жестоко подавлена. К сожалению, мы не имеем рукописей и черновиков «Нарспи», поэтому нет возможности сравнивать первоначальный замысел и исполнение, различные варианты поэмы, в силу этого более точно и верно говорить о мировоззрении К. В. Иванова. Об отношении К. Иванова к Государственной думе, столыпинщине и ко всему периоду реакции нет прямых свидетельств, имеются только косвенные данные. Ясно одно, что в отличие от некоторых чувашских писателей, возглававших на Думу определенные надежды, к примеру, Я. Турхана, Н. Шелеби, И. Тхти, К. В. Иванов нигде одобрительно не отзывался о ней. Косвенные суждения его о Думе можно вывести из его стихотворения «Наше время», приуроченного к 40-летию Симбирской школы.

Можно ли считать это стихотворение свидетельством некоторой эволюции взглядов К. Иванова от революционности 5-х годов к умеренности, переходу к некоторому примирению с действительностью? Прежде всего следует заметить, что К. Иванов был весьма цельным человеком на протяжении всего своего творчества, не менял легко свои убеждения. К тому же стихотворение посвящено юбилейной дате, предназначено для публичного чтения, поэтому К. Иванов не мог высказаться вполне откровенно. При оценке стихотворения нельзя эти обстоятельства не принимать во внимание.

А о стойкости убеждений поэта говорит такой факт, как его постоянное отрицательное отношение к войне. Он заклеивал братоубийственную бойню в написанных

ранее «Вдове», «Рабе дьявола», его позиция не изменилась и впоследствии. В своем дневнике он записывает: «Война — страшная вещь». Насмешливо относился он к религии и православной церкви, верой и правдой служившей царскому дому, русскому самодержавию, оправдывавшей захватнические притязания русских помещиков и капиталистов. «Брат не любил ходить в церковь, — вспоминает сестра Константина Васильевича М. В. Иванова. — Будь она неладна! — говаривал он частенько с досадой. Нередко он обращался ко мне и брату, — рассказывает она, — с ироническим вопросом: «Ну что, помогла вам в чем-нибудь церковь? Пустое это дело — надеяться на бога. Как помру, не носите меня в церковь, похороните просто так. Обойдусь как-нибудь без нее»¹⁵.

Когда началась первая мировая война, ура-патристическому угару поддались и отдельные чувашские писатели, в частности, Н. Шубоссини, Т. Кириллов, а также авторы верноподданнического сборника «Война», изданного в Симбирске на чувашском языке, куда в основном вошли переводные официально-казенные материалы. В отношении К. Иванова ни в коей мере этого нельзя сказать: до самой смерти в 1915 г. он нигде не написал ни одного одобрительного слова об империалистической войне, ибо хорошо знал и видел бедствия и несчастья, какие несет народу война, — т. е. поэт остался на тех же позициях осуждения и неприятия войны, как и в период создания «Вдовы». Как не участвовавший непосредственно в боевых действиях, поэт не дал нам описания батальных картин, если не считать изображения поля битвы после окончания сражений в балладе «Вдова», в трагедии «Раб дьявола». Поэт больше описывает то, что он хорошо знает, что лично сам видел и переживал, а именно — горе и несчастье вдов и сирот, чьи близкие погибли на войне. Ясно одно, к империалистическим боям, к милитаризму и военным приготовлениям, политике насилия и захвата поэт, как настоящий гуманист, относился резко отрицательно, не принимал их, всей душой осудил их и в своем творчестве.

Отношение поэта к войне мы привели в качестве примера твердости и прочности убеждений поэта, по

¹⁵ Иванов К. В. Собрание сочинений, с. 21.

всей вероятности, их могли изменить только весьма существенные обстоятельства, коренные перемены в жизни и обстановке. Могут спросить: как же, будучи атеистом по своим убеждениям, К. Иванов счел возможным заниматься переводом Библии и Евангелия? Конечно, не сам К. Иванов добровольно, по собственной инициативе избрал это занятие — заставили обстоятельства. Но и в эту, казалось бы, скучную и противную его сердцу работу поэт внес дух присущего ему творчества. Занимаясь переводом евангельских текстов, поэт, втягиваясь в работу, как бы забывал о том, что это церковная книга, больше всего старался передать на родном языке дух и смысл оригинала, искал равноценную замену в чувашском языке довольно трудных и необычных религиозных терминов и слов. С точки зрения качества Евангелие на чувашский язык переведено мастерски. И в этом неприятном и вынужденном деле талант К. Иванова принес родному языку определенную пользу.

Таким образом, есть ли основания говорить о значительной эволюции взглядов К. Иванова ко времени наступления реакции, о появлении в его творчестве мотивов разочарования, уныния и пессимизма, об уходе от насущных проблем современности, о настроениях упадочничества и ренегатства, как это было в декадентской литературе? Нет для этого никаких достаточных оснований. Стихотворение «Наше время», написанное в 1908 г., дышит оптимизмом и надеждой на лучшее будущее родного народа, верой в то, что народ расправит крылья, свидетельством чему являются сама Симбирская школа и выпускаемые ею учителя, которые несут в массы свет знаний и больших ожиданий. К. Иванов высоко оценивает в своем стихотворении просветительскую деятельность И. Я. Яковлева и основанной им Симбирской школы, воздерживаясь от какой-либо оценки миссионерско-христианских аспектов этой деятельности, что фактически имело место, и как бы вовсе не замечая их, а на первый план выдвигает и показывает прогрессивные, общественно полезные стороны неустанной работы Яковлева по просвещению родного народа.

Итак, если и возможно говорить об изменении взглядов К. Иванова, то следует сказать, что они, оставаясь в своей основе крепкими, стали более глубокими и зрелыми, обогащенными опытом революции и ее временного поражения, наблюдениями поведения и позиции

представителей различных социальных группировок в то время. Конечно, нельзя совсем исключить и некоторые нотки пессимизма в отдельных стихотворениях, подобно «Думе старого леса», явившихся откликом на происходившие события, жалобой на тяжелые времена, порожденных личными переживаниями, неустраиваемостью собственных дел, точившей поэта тяжелой болезнью и т. д., а также годами безвременья, невозможностью принять более активное участие в подъеме культуры родного народа. Однако в целом мировоззрение К. Иванова не было ощущением во всем разочаровавшегося и разубедившегося человека, забывшего прежние идеалы, и оставалось жизнеутверждающим и оптимистическим, выражало веру в творческие силы трудящихся, равно и прогрессивной чувашской интеллигенции.

Характерно в стихотворении «Наше время» понимание К. Ивановым национального вопроса и путей его правильного решения. Стихотворение исходит из положения, что все люди равны, независимо от национальности и расы, все люди имеют равные права на свободу, развитие и образование, на уважение человеческого достоинства. Поэт радуется, что вместо темных и необразованных чуваш все больше становится грамотных. В стихотворении нет какой-либо неприязни к простым и просвещенным людям другой национальности, хотя русские помещики и чиновники в то время угнетали чувашский народ. Очевидно, сама обстановка в школе, где воспитывались дети разных национальностей, способствовала воспитанию у многих учащихся чувства уважения друг к другу.

Если глубже заглянуть в текст стихотворения «Наше время», то можно обнаружить там и косвенное, несколько замаскированное осуждение политики насильственной русификации и христианизации чувашей, проводимой царским правительством и миссионерскими школами и обществами. Когда автор задает вопрос: «Куда чувашам податься? Или русскими стать, или к татарам переметнуться?» — то в этих словах слышится прямой упрек колонизаторам и миссионерам, которые готовы были вообще ликвидировать чувашей как нацию, выступали даже против употребления чувашского языка в какой-либо форме, запрещали преподавание в школе на родном языке. Заслугу Симбирской чувашской школы К. Иванов правильно видит в том, что она вела дело

сближения русского и чувашского народов на основе уважения культуры и традиций собственного народа, т. е. успех такого сближения она полагала не на искусственных, извне навязываемых основаниях, а на естественных, народом принимаемых условиях. В этом отношении позиция К. В. Иванова перекликается с известным высказыванием В. И. Ленина о том, что нельзя заставить изучать русский язык из-под палки, что дело это сугубо добровольное.

Значит ли это, что К. Иванов подразумевал освобождение народа исключительно путем просвещения, полностью отрицая революционный путь преобразований? Вся его предшествующая творческая деятельность опровергает подобное утверждение. Можно еще спорить о той или иной степени осмысления поэтом революционных путей преобразования действительности, однако было бы совсем неправильно изображать К. Иванова каким-то постепенцем, реформистом, абсолютно чуждым революционным идеям своего времени.

Мы уже знаем о его резко критическом отношении ко многим явлениям и сторонам тогдашней жизни. Его критицизм наиболее сильно и ярко выразился в незаконченной трагедии «Раб дьявола», гневно обличающей власть денег, превращающих человека в морального урода, безнравственного антипода разумному существу — наиболее совершенному творению природы и общества. Тема обличения денег проходит через все главные произведения К. Иванова, оставаясь лейтмотивом всего его творчества: через поэму «Нарспи», через трагедию «Раб дьявола». Подобный критицизм, во многом сходный с критическим реализмом русской литературы XIX и начала XX веков, не мог полностью замыкаться в самом себе, ограничиваясь одной только критикой существующего строя. Он безусловно предполагал и то, с каких позиций критиковать, должен был иметь и свою положительную программу. Конечно, можно критиковать и отрицать и с позиций прошедшего, скажем, с точки зрения возврата к прежним родо-патриархальным идиллическим временам, в чем пытаются убеждать нас отдельные толкователи «Нарспи». Это было бы равнозначно отрицанию всякого историзма в творчестве К. Иванова. Между тем, как уже было сказано, в ряде произведений, к примеру, в «Предисловии» к «Песне про купца Калашникова», в переводе «Крестьянской

марсельезы» и других, К. Иванов сознательно проводил принцип развития. Его критицизм искал выходы и на других, более демократических и революционных путях, о чем свидетельствует и его участие в событиях 1905—1907 гг., о чем говорит также его интерес к социально-демократической литературе.

Можно предположить, что трагедия «Раб дьявола», если б она была завершена полностью, стала бы сильным обличительным материалом против капитализма, против его мерзких и корыстных проявлений, особенно беззастенчиво и алчно действовавшего в национальных окраинах. Однако трагедия существует лишь в набросках и отрывках, поэтому трудно и невозможно судить о ней в полном объеме. Ряд исследователей творчества К. Иванова не обращает на нее должного внимания, нередко вовсе оставляет без рассмотрения. Между тем для выяснения мировоззрения К. Иванова она имеет немаловажное значение.

Безусловно, она нуждается в объективном, непредвзятом исследовании. Свои мысли об этой книге я изложил в книге «Яркий и самобытный талант» в связи с завершением этой трагедии, на основе набросков К. В. Иванова, поэтом Я. Г. Ухсаем¹⁶.

Не повторяя здесь приведенных в той книге положений, хочется выяснить: был ли в какой-то мере К. Иванов знаком с трудами экономистов о сущности и назначении денег? Хотя у нас нет прямых свидетельств об этом, но некоторые листы из трагедии поразительно напоминают марксовы положения о фетишизации денег в капиталистическом обществе, о превращении их в какой-то предмет поклонения, чуть ли не обожествления в условиях всевластия денег в буржуазном обществе. Откуда же у Иванова такое понимание природы и превращения денег? Только ли из собственных наблюдений, из чтения аналогичных произведений? Помимо всего прочего, нужно ведь и теоретическое осмысление денежных отношений, их взаимоотношений с людьми в обществе? Чувашская действительность начала XX века, хозяйство отца, крупно торговавшего хлебом, допустим, давали для этого кое-какой жизненный материал, но чтобы так глубоко проникнуть в психологию обладателя денег,

¹⁶ Иванов И. И. Яркий и самобытный талант. Чебоксары, 1972, с. 113—123.

готового ради них на всякое преступление, или нужно было быть исключительно прозорливым, или нужно было иметь какое-то знакомство с политэкономией. Не отрицая ни первой, ни второй предпосылок, отметим только, что опять-таки изображенный К. Ивановым тип стяжателя и накопителя во многом напоминает описанных К. Марксом представителей первоначального накопления, действовавших то ножом и кинжалом, ядом и веревкой, то обманом и вероломством, не считаясь ни с родными, ни с близкими.

Говоря не об этой трагедии, а о сказке «Две дочери», М. Я. Сироткин отмечал удивительную схожесть художественных сцен К. Иванова с марксовской характеристикой роли денег в капиталистическом обществе. «Знал или не знал об этом поэт, вернее будет предположить последнее, но в своей сказке он дал бесподобную художественную иллюстрацию к словам К. Маркса об извращающей силе денег в капиталистическом обществе»⁷¹. Касаясь непосредственно трагедии «Раб дьявола», Сироткин пишет: «Близко примыкает к балладам К. Иванова трагедия в стихах «Раб дьявола». В них, как и в балладах, заложена та же мысль, что мир обмана и насилия, построенный на силе денег, вытравляет человеческие чувства, губит и уродует человека, превращая его в зверя»¹⁸. Так и хочется спросить, случайны ли такие совпадения в творчестве одного и того же писателя, не говорит ли это о проявляющейся закономерности?

Затем, вновь обращаясь к произведениям К. Иванова, в частности, к вышеупомянутой трагедии, из-за публикации собрания сочинений поэта, М. Сироткин в предисловии к нему дополняет следующее: «Условность формы, ее несоответствие духу времени, по-видимому, и заставили поэта приостановить работу над ней. К тому же его увлек новый сюжет...»¹⁹ (имеется в виду «Нарспи». — *И. И.*). Из этих допущений наиболее вероятным выглядит последнее, а первые два трудно признать доказательными, этим и объясняется сироткинское «по-видимому», ибо прием условности часто применялся К. Ивановым из-за тогдашних ограничений писать свободно и беспрепятственно. Недаром же он прибегал,

⁷¹ Сироткин М. Я. Очерки дореволюционной чувашской литературы. Чебоксары, 1948, с. 189.

⁸¹ Там же, с. 195.

¹⁹ Иванов К. В. Собрание сочинений, с. 22.

притом не раз, к сказовой и метафорической условности.

Некоторые исследователи намерены видеть в трагедии «Раб дьявола» особенности романтизма с его сильными и страстными характерами, оттенки древнегреческой драматургии, например, даже М. Сироткин — стиливые нюансы Эсхила, Софокла, Еврипида. Нам все это кажется искусственной натяжкой. Безусловно, в творчестве К. Иванова, как художника, прокладывавшего пути чувашской литературы, наличествуют проявления прежних художественных и стиливых направлений, в том числе и романтизма, эпохи Просвещения, и было бы неверно их совсем не замечать. При всем том важно и видеть, что К. Иванов не рабски следовал им, а преодолевал и видоизменял сообразно своему времени и творческим задачам. На него исключительно сильное влияние оказал и русский критический реализм, а также первые произведения социалистической литературы, например, сочинения М. Горького. В силу этих причин творчество К. Иванова развивалось больше всего по реалистическому пути, в ряде случаев в разрезе критического отрицания существующего строя, в направлении поисков положительных идеалов, прежде всего среди демократической общественности, не исключая и социал-демократических, марксистских кругов, с некоторыми из них К. Иванов непосредственно общался, переписывался, читал и революционную литературу.

В этом свете совершенно бездоказательными и надуманными выглядят попытки отдельных литературоведов 30-х гг. представить К. Иванова певцом кулацкой верушки. Нет особой нужды даже опровергать их.

Более правильное и объективное мнение о творчестве К. В. Иванова и о самой личности поэта устанавливается в 40-е гг., после проведения его 50-летия. Тут нельзя не упомянуть ту большую роль, которую сыграл выдающийся советский писатель, секретарь правления Союза писателей СССР А. А. Фадеев в определении роли и значения наследия К. В. Иванова не только для чувашской, но и для всей многонациональной советской культуры. Фадеев в своих письмах чувашской писательской организации отмечал, что юбилей К. Иванова — не только чувашский праздник, но и общесоюзное событие.

Последующими исследователями было еще более убедительно доказано неоспоримо большое значение

творчества К. Иванова для дальнейшего развития чувашской литературы. Зачатки ряда будущих жанров и стилей, также наброски и предвидения путей художественных исканий уже имелись в творческой практике К. Иванова. В этом смысле деятельность К. Иванова во многом сходна с творчеством великого татарского поэта Г. Тукая, жившего в одно время с ним. Поэтому полезно и необходимо рассмотреть их творчество в сопоставлении.

Оценивая творчество Г. Тукая, Г. Камала, М. Гафури, татарские исследователи пишут: «В новых условиях подъема первой русской революции, роста рабочего движения и широкого развертывания деятельности революционной социал-демократии из среды татарских народных масс выдвинулись революционно-демократические писатели и мыслители Г. Тукай, Г. Камал, М. Гафури»²⁰. Думается, что подобная оценка может быть дана и классику чувашской литературы К. В. Иванову. В то же время татарские ученые отмечают некоторую ограниченность и узость их мировоззрения. «Тукай, Камал и Гафури, будучи всецело преданными делу народа, революции, не могли, однако, подняться до правильного понимания путей народного освобождения, до научного социализма — идеологии революционного пролетариата. Они не сумели преодолеть мелкобуржуазную ограниченность своих взглядов, остались идеологами революционного крестьянства — союзника рабочего класса в борьбе против царизма и капитализма, за социализм»²¹.

То же самое, т. е. как об идеологе революционно-демократических слоев чувашского крестьянства, можно сказать о К. В. Иванове. Его произведения проникнуты настроениями и мыслями трудового крестьянства. Здесь не вина поэта — таковы были объективные условия чувашской действительности, где еще не было более или менее значительного пролетариата, за исключением некоторых категорий отходников, поденщиков, сезонных рабочих и сельских батраков. К тому же эти прослойки среди чувашского народа тогда стали лишь образовываться и оформляться, были организационно и политически почти не объединены. Безусловно, все это сказалось на мировоззрении и идейно-политических взглядах

²⁰ *Фасеев К. Ф.* Из истории татарской передовой общественной мысли. Казань, 1955, с. 272.

²¹ Там же, с. 272—273.

К. И. Иванова. Несмотря на все это, творчество поэта сыграло исключительно большую роль в политическом пробуждении чувашского народа. Впоследствии дело, начатое К. Ивановым, успешно продолжили другие чувашские писатели в период подготовки и проведения общедемократической, а затем и социалистической революции.